

Е. Н. Мастеница

Феномен музея в философском наследии Н. Ф. Федорова

В статье раскрывается суть оригинальных взглядов Н. Ф. Федорова на роль и значение музея в контексте идей христианства, соборности и космизма. Проводится мысль о том, что не лишенная противоречивости и содержащая эмоционально окрашенные термины модель идеального музея, предложенная философом, позволила осуществить предвидение и теоретическое объяснение явлений современной музеологии. Это предопределяет особую актуальность обращения к философскому наследию Н. Ф. Федорова.

Ключевые слова: феномен музея, музейный проект, идеальный музей, социальный институт, образовательные функции музея, музей как школа, музей как университет

Elena Mastenitsa

Museum phenomenon in N. F. Fedorov's philosophical works

The essence of N. F. Fedorov's original sights for a role and value of the museum in a context of ideas of Christianity reveals in the article. The thought that not always consecutive and containing emotionally painted terms the model of an ideal museum offered by the philosopher, has allowed to carry out a prediction and a theoretical explanation of the modern museology, that does studying of Fedorov's philosophical works especially actual is spent.

Keywords: a museum phenomenon, the museum project, an ideal museum, social institute, educational functions of a museum, museum as school, museum as university

Всякий человек носит в себе музей... как угрызение совести...

Н. Ф. Федоров

К феномену музея и связанным с ним проблемам философская мысль обращалась крайне редко. Одним из первых отечественных философов, размышлявшим по этому вопросу и выразившим собственное отношение к музею и музейному делу, был Николай Федорович Федоров (1829–1903). Обращение к философскому наследию всегда плодотворно, однако особую актуальность взгляды Федорова на музей приобретают в настоящее время. Стремительный рост знаний, развитие информационного общества и информационных технологий, новые потребности человека необратимо меняют мир культуры и, соответственно, музеи. Сегодня исследователи вновь обращаются к философии музея. В трудах культурологов, музееведов, социологов намечает отход от институциональной трактовки музея как учреждения с определенными функциями, происходит переосмысление его феноменологии в рамках толкования музея как формы существования культуры или как способа отношения человека к окружающему миру.

В настоящее время во всем мире наблюдается новый всплеск интереса к музеям, которые интенсивно развиваются, испытывая количественный рост и качественные изменения. Все

чаще создатели музеев отходят от традиционного типа музеев и отдают предпочтение музеям комплексным, многопрофильным, открытого типа. Глобальная тенденция современного музейного развития проявляется в расширении границ музейной деятельности, стремлении музеев служить обществу и преодолению локальности в пространстве. Экспозиции музеев создаются на площадях, зачастую превышающих размеры помещения, а характер деятельности направлен на приближение музея к людям, их потребностям и интересам. Многие современные музеи выступают градообразующими или регионообразующими центрами, определяя культурное развитие территорий и активно участвуя в жизни местного населения. В сообществе музейных специалистов все больше признания находят представления об «интегрированном» музее и положения «новой музеологии», в которой музей рассматривается как институт, выходящий за пределы консервации, демонстрации и трансляции историко-культурного наследия и переходящий к осуществлению более широкой социальной миссии культурной идентификации и интеграции в окружающую среду. В новых тенденциях музейной деятельности проявляется изменение характера самой музейной потребности и миссии музея в целом.

В силу этого необходимо не только вернуться к рассмотрению положений, высказанных в трудах Федорова, но и попытаться соотнести

его точку зрения с особенностями современной ситуации. Тот факт, что в учении Федорова содержится оригинальная система взглядов на музей, позволившая осуществить предвидение и теоретическое объяснение явлений современного музееведения, делает изучение его философского наследия особенно актуальным.

Николай Федорович Федоров родился в селе Ключи Тамбовской губернии, его отцом был князь П. И. Гагарин, матерью – дворянская девица Елизавета Ивановна. Как незаконнорожденный, Федоров получил отчество и фамилию по имени своего крестного отца. Воспитывался он в имении отца под покровительством дяди, предводителя тамбовского дворянства. Учился Николай Федорович в тамбовской гимназии и в одесском Ришельевском лицее, где был в числе лучших учеников, но накануне выпускных экзаменов оставил учебу. В 1857 г. он переехал в Москву, работал в Чертковской библиотеке помощником библиотекаря, затем – в Румянцевском музее, последние годы жизни – в читальном зале московского архива Министерства иностранных дел. Н. Ф. Федоров был разносторонне образованным человеком, знал все основные европейские языки, изучил восточные (китайский), но говорил и писал только по-русски – частное проявление того исключительного значения, которое философ придавал России и русской мысли¹.

Работы Федорова свидетельствуют о его знакомстве с сочинениями практически всех сколько-нибудь значительных западноевропейских философов, равно как и с идеями многих ученых-естествоиспытателей, однако влияние каких-либо конкретных сочинений на его творчество проследить трудно. Исследователи философского наследия отмечают несомненное влияние восточной философии, в частности – конфуцианства. Мироззрение Федорова сложилось под воздействием французской философии, немецкой философии он не любил. Идеи французского утопизма обусловили присутствие в философии Федорова пафоса социального строительства и «дела».

Огромную роль в формировании взглядов Федорова сыграла богословская литература, Новый Завет, сочинения ранних христианских авторов; особое место занимает образ Сергия Радонежского, «великого собирателя Земли Русской». В формировании его идей о «регуляции природы» значительное влияние оказала научная и практическая деятельность В. Н. Каразина.

Своеобразие творчества Федорова обусловлено, наряду с другими причинами, и некоторыми особенностями его биографии. На становление личности философа, несомненно,

отразились и двусмысленное положение «незаконнорожденного» ребенка знатного отца, и ущербность социального статуса, повлиявшая не только на самолюбие гордого человека, но и на материальные условия его жизни. Потрясения, испытанные им в связи со смертью отца (Федорову было тогда четыре года) и смертью дяди, содержавшего его многие годы, помогают понять, почему такую важную роль в учении философа занимают отношения «отец-сын» и идея воскрешения отцов².

Характеризуя в целом наследие философа, мы можем отметить оригинальное, если ни сказать вольное, использование Федоровым общепринятой терминологии. Зачастую во многие понятия он вкладывает смысл, далеко не всегда близкий принятому в современном ему языке. Многие термины, используемые Федоровым, имеют ярко выраженную эмоциональную окраску и множественность смыслов. «Музей», «храм», «выставка», «кладбище», «отцы», «фабрика», «школа», «университет» и другие термины в учении Федорова – это, прежде всего, явления или даже социально-исторические процессы. Для текстов ученого характерна лексика эмоционально значимых образов и ассоциаций. В результате этого возникают, на наш взгляд, отношения между рациональным и эмоциональным планами философии ученого. С помощью эмоциональной силы и полноты терминов Федоров создает неочевидные, но действенные связи между элементами своей философской системы и разными текстами. В связи с этим тексты сочинений Федорова представляется возможным рассматривать как единый текст, представляющий собой метатекст по отношению к отдельным его статьям.

Одним из истоков философии Н. Ф. Федорова и его взглядов на музей было христианство. От христианства федоровское учение получает нравственное отношение к прошлому и историзм. Однако федоровское христианство отличается от его церковного понимания. Так, например, в традиционной христианской теологии нет термина «патрофикация», но есть «деификация» – «обожествление», по аналогии с которым и создан Федоровым термин «патрофикация». Через это центральное понятие определяются все остальные, весьма своеобразные его философские понятия: «сын человеческий», «сын блудный», «неродственные отношения», «искусство мнимое», «искусство действительное», «супраморализм» (всеобщее объединение).

Философская система Н. Ф. Федорова не проста, лишена единства и последовательности взглядов, очевидна ее религиозность. Говоря о «хаосе», «космосе», «Боге» и «слепой силе»,

Федоров рассматривает Бога как объективную реальность и в то же время признает наличие слепой силы, господствующей в хаосе. Бог превращает хаос в космос, он создал человека через него самого. Через человека состоится обращение всего рожденного, само собой происходящего в управляемое разумом. По Федорову, человек должен стать активным строителем космоса, должен действовать; бездействие ведет к порабощению слепой силой, осознающей себя в нас. В философии мыслителя заложены и элементы прагматизма; он говорит о деле, действии, пользе, благе. Общий враг всех людей – слепая сила. Сила этого врага – в бездействии людей. Природа должна стать делом и трудом всех поколений; она в выражении мысли Бога и человека. Под воздействием целенаправленных действий слепая сила станет волей. Говоря о «деле», Федоров уточняет: борьба со смертью может и должна стать конкретным делом всех людей. Нет действительной смерти, существуют только ее признаки, философ считает действительную смерть чисто философской категорией. Важнейшей философской идеей Федорова, смысловым стержнем его творчества стала идея «патрофикации», реального воскрешения предков «в духе и во плоти» как главной и конечной цели человечества. Как полагает Н. А. Бердяев, Федоров совершает своеобразный и радикальный поворот в философии – от пассивного мирозерцания к выработке плана преобразовательной деятельности. По убеждению Федорова, философия не столько чистое мышление, сколько план деятельности, проект дела, знание того, что должно быть³.

Нам представляется, что противоречивость учения Н. Ф. Федорова, по всей вероятности, заключена в противоречивости теоретических предпосылок, сформировавших его мировоззрение. С одной стороны, философ опирался на патриархально-славянофильскую традицию, а с другой – его взгляды имели точки соприкосновения с идеями мыслителей и ученых-естествоиспытателей об использовании научного и технического прогресса в интересах развития человечества. Синтез религиозного, христианского сознания с верой в безграничные возможности науки, переплетение различных влияний и сочетание несовместимых позиций накладывают на размышления Федорова печать электизма.

Прежде чем остановиться на понимании Федоровым значения и роли музея, следует внести некоторые уточнения в вопрос о профессионализме и компетентности философа в данной области. Это тем более необходимо, что даже в научных работах, посвященных проблеме музея

в творчестве Федорова, можно встретить безоговорочное доверие к Федорову – «не только выдающемуся философу, но и музейному практику, много лет проработавшему в Румянцевском музее»⁴. Действительно, Федоров работал в публичной библиотеке, которая, формально являясь подразделением Румянцевского музея, фактически была самостоятельной. Таким образом, в строгом понимании Федоров был специалистом не в музейной, а в библиотечной сфере. И специалистом выдающимся, внесшим значительный вклад в отечественное книговедение: первым составил систематический каталог книг Румянцевского музея; ввел аннотирование библиотечных карточек; выдвинул предложения о межбиблиотечном и международном книгообмене. По спискам, составленным Федоровым, Румянцевский музей посылал требования на новые иностранные издания (требования отличались такой точностью выбора всего действительно значительного среди литературы самых различных отраслей, что некоторые книгоиздательские фирмы рассылали по ним свежие поступления библиотекам и университетам всего мира). Современники Федорова называли его «идеальным библиотекарем»⁵. Однако следует учитывать, что эти несомненные заслуги и высочайшая квалификация в библиотечном деле не могут служить основанием для признания Федорова «музейным практиком». Несмотря на историческую общность происхождения библиотек и музеев и родственность их функций по отношению к обществу и культуре, очевидны и существенные между ними различия.

К теме музея философ обращался неоднократно. Наиболее полно раскрывает его взгляды на музей статья «Музей, его смысл и значение»⁶, ставшая своего рода программной в его творчестве. В ней подробно рассматриваются цели и задачи музея, его основные характеристики и функции. Важно отметить, что после первых страниц, где слово «музей» еще сохраняет общепринятый смысл, следует плавный, не сразу заметный переход к многозначности слова, и – далее – к соединению термина «музей» с совершенно новым явлением, долженствующим быть в общественной жизни.

По Федорову, музей – это «выражение всей души, полноты и согласия всех способностей, отсутствие внутреннего разлада, выражение единства мира душевного и радости, т. е. всего того, чего именно недостает нашему прогрессивному веку; музей и есть „свышний мир“»; «музей как выражение всей души возвратит нам мир душевный, лад внутренний, даст нам радость, которую чувствует отец при возвращении блудного сына»⁷.

Цели музея – самые возвышенные: «Цель музея не может быть иною, чем цель хоровода и храма предков, в который и превратился хоровод, т. е. солнцевод, возвращающий солнце на лето, возбуждающий жизнь во всем, что замерло зимой. Разница здесь будет лишь в способе действия, который в хороводе и храме не имел действительной силы; действие же музея должно иметь силу, действительно возвращающую жизнь, дающую ее. Это и будет, когда музей возвратится к своему праху и создаст орудия, регулирующие разрушительные, умерщвляющие силы природы, управляющие ими».

Развивая концепцию музея, Федоров обращается к античному миру, где под словом «музей» подразумевали собрание, школу, круг ученых, преданных служению музам, например, Александрийский музей. При этом Федоров не заимствует напрямую и не отвергает однозначно присущее античному миру понимание музея, а, используя его как ступеньку, продвигается дальше в совершенно новом направлении. «Музей в смысле древних (от коих мы и заимствовали это учреждение) есть собор ученых; его деятельность есть исследование. Но в этом определении и заключалось бессилие музея; этим определением он сам себе поставил преграды для распространения. <...> Музей-собор будет наполняться, а собрание сделается всеобщим только тогда, когда самосознание будет не только исследованием, а изучением причин, препятствующих всем сделаться членами музея, что, конечно, входит в вопрос о всеобщем родстве. Тогда и знание будет столь же неограниченно, как всеобщее собрание, т. е. собор будет действительно вселенским, а знание в высшей своей стадии уничтожит, как сказано, разобщение миров восстановлением всех прошедших поколений».

Здесь философ приближается к самому, пожалуй, главному постулату музея в его понимании: «Музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших по их произведениям, живыми деятелями. Музей и с предметной стороны есть совокупность лиц, само человечество в его книжном и вообще вещественном выражении, т. е. музей есть собор живых сынов с учеными во главе, собирающий произведения умерших отцов. Задача музея поэтому, естественно, – восстановление последних по первым».

Именно в свете таких представлений о задачах и специфике музея становится понятными развиваемые далее принципы комплектования и систематизации материалов. Главный принцип

комплектования, согласно мнению Федорова, состоит в полноте охвата. Логичен взгляд философа на классификацию собранных материалов: классификация четкая и строгая не только невозможна, но и не так уж нужна, так как она важна для хранения, а цель музея – восстановление. «Строгая классификация невозможна в музее потому же, почему она невозможна в науке... невозможна по причине отсутствия в мире (вернее, по причине утраты им) разумного единства, такого, при котором мир в смысле согласия не нужно было бы отличать от мира в смысле вселенной, и человечество было бы действительно одним родом, братством, причем психическая классификация тем легче понималась бы, чем интенсивнее она бы чувствовалась. Единство нужно дать, а не искать там, где его нет».

Это принципиально важный момент – не искать, а дать, иными словами, выявить внутреннюю логику собрания, стремящегося к всеобъемлющему охвату вещного мира, подчинить это собрание материальных предметов правильной идее и священной цели. Иначе говоря, принцип классификации не столько выявляется внутри собрания, сколько привносится извне; следовательно, собираемые предметы ценны не сами по себе, но лишь в соотношении с идеей и целью собрания.

Воспитательные задачи того характера и в том объеме, как это предлагает Федоров, несовместимы с существованием и деятельностью музея в общепринятом смысле этого слова. Это воспитательные функции иного, нового социального института. Обратимся к высказыванию философа: «Музей есть первая научно-художественная попытка собрания для воспитания в единство, и потому эта попытка есть дело религиозное, священное...». В таком контексте логичными предстают выводы Федорова, которыми завершается анализируемая статья о смысле и предназначении музея: «Учение о единстве и есть религиозное учение. <...> В обращении учения о единстве в религиозное и выразится междуисповедное, междусектантское значение музея; православие же, как сокрушение о розни, как печалование, найдет в нем свое выражение. Вступление воспитанников каждого специального (и потому небратского) учебного заведения в музей, совместное их там пребывание, самое исследование причин небратских отношений, находящихся во взаимной зависимости, создание этим самым проекта братства и будет то самое на деле, что выражается в догматико-нравственном учении или заповеди о Троиединстве и искуплении».

Следует отметить, что в программной статье

получили освещение и некоторые другие аспекты деятельности музеев.

Во-первых, это международное значение музея и его конкретная задача в этой связи: «Музей в международном смысле есть перевод от правового порядка, неразлучного с международным всемирно-торговым раздором, в братское согласие. <...> Ближайшая же задача вселенского собора и всенаучного музея есть вопрос о переходе или переводе городского и кочевого состояний в земледельческий быт; это вопрос о соединении Византии, центра земледельческих и цивилизованных народов, и Памира, центра кочевников. <...> Для Константинополя и нет другой судьбы, как быть или предметом всемирного раздора или же сделаться посредником всеобщего мира, во имя братства и отечества, т. е. стать международным, но только не юридически-международным музеем».

Во-вторых, противопоставление всемирно-немецкого музея, теорией которого была немецкая философия конца XVIII в., и Русского Музея, русского самородного музея.

В-третьих, подчеркивается характерный для всего творчества Федорова примат долга, долженствования, активного начала: «Музей есть сила, и сила эта есть осознание долга, исполнение Божественной заповеди... эта сила в деле отцовском собирает и совокупляет людей из небратских состояний в братство».

Своеобразие размышлений Н. Ф. Федорова состоит в идее космизма, предполагавшей возможность объединения народных масс и интеллигенции на основе православия как духовной основы русского народа. В фокусе внимания многих философов и религиозных мыслителей начала XX в. находилось духовное преображение человеческой жизни, которое, по их мнению, становится возможным только в храме. Являясь объединяющим началом, храм стоит над светской культурой и потому включает в свое пространство и образованное общество, и массу простого народа.

В данном контексте становится понятной философская концепция Н. Ф. Федорова, основанная на идее соборности как объединении народов в важном для всех общем духовном деянии, а также его особое понимание образовательных учреждений как воспитательных институтов, препятствующих забвению прошлого. И в этой связи музеи, подобно храмам, воскрешают память о неживых во имя живых, объединяя их в единый «хоровод предков». В статье «Поучительный памятник (музей)»⁸ Н. Ф. Федоров рассматривал музей как высшую инстанцию, как идеальный проект создания братства для чело-

вечества взамен существующей розни, причем братства не только живых, но и живых с ушедшими поколениями – «отцами». Одной из задач музея Федоров называет «историческую истину», «музейную правду», которая призвана «восстановливать забытое, воздавать должное тому, кому были несправедливы современники»⁹. Обучающую функцию музея он сравнивает с таковой у книги, только его собрание он представляет «пособием при изучении того, что заключается в книгах», музей «наглядно представляет то, что в книгах выражено словесно». Сравнивая университет и музей как учреждения обучающие, Федоров безусловное предпочтение отдает последнему, хотя и называет его «недозревшим». Лекции без самостоятельных занятий, присущие университетскому образованию того времени, философ считал малополезными, так как они «вызывают недовольство настоящим, призывая к разрушительной деятельности». В музее же учащиеся работают самостоятельно, изучая и исследуя «особый вопрос, но не в отдельности, а в связи со всеми, так что... в совокупности обнимали бы своими исследованиями весь предмет». Существующий «недозревший» музей, представляющий «безмолвное собрание форм жизненных явлений, вырванных из течения времен – это все еще кладбище, гробница...». Чтобы музей не был «мертвым», не был «гробницей», необходимо теснейшее соединение с ним школы.

Школой должен быть всякий музей. Музей, по мнению Федорова, – это организм живой, развивающийся, ищущий формы работы с другими музеями, с частными лицами. Он ни в коем случае не хранилище отживших вещей, «оставшихся от протекшей жизни», и не должен «служить для удовлетворения пустого лишь любопытства». Музеи должны быть школами для взрослых, высшими школами, центрами исследования. «Все должно быть предметом знания, и все – познающими». Главнейшей, верховной, даже вселенской целью музея Федоров считал «восстановление родства», «воскрешение умерших отцов». В обыденном понимании, вероятно, цель эта заключалась в том, чтобы каждый человек, приходящий в музей, почувствовал, понял и осознал «родство, неразрывную связь с отцом, родом, нацией, человечеством», чтобы историю сегодняшнего дня понимал как закономерное, неразрывное продолжение дня вчерашнего, предтечу дня завтрашнего. «Музеи, созидаемые сынами отцам, восстанавливают родство, заменяя отвлеченное человечество...». Суть музея как «храма предков», как «школы сынов» чрезвычайно важна в нравственной жизни человека, ибо «нарушение к ним обязанности»

должно считаться самым важным преступлением, а основание их – высшей добродетелью». Изучение прошлого – не самоцель, а насущная потребность. «Пренебрежение прошедшим – произвольное сокращение области наблюдения и опыта». Не зная прошедшего, не используя его опыта, «настоящее обречет себя на совершенную бесплодность, будет открывать открытое, принимать старое за новое».

Итак, тема музея хотя и не является главной в трудах Н. Ф. Федорова, но имеет существенное значение для его творчества, так как раскрывает один из основных способов практического развития «общего дела»; музей является основной проективной реалией федоровской утопии идеального общества. Значение музея для творчества самого Федорова, равно как и многоуровневый подход философа к музею, емко и лаконично выразил его ученик и последователь В. А. Кожевников: «Музей был дорог и важен ему в тройном смысле: 1) как учреждение просветительское, общеобразовательное; 2) как учреждение нравственно-воспитательное, и, наконец, 3) как проективное, активное, определяющее цели человеческой деятельности и некоторые средства их осуществления»¹⁰.

В заключение считаем необходимым отметить, что в философском наследии Н. Ф. Федорова вычленяется яркая и оригинальная концепция музея, причем концепция эта целостна, достаточно тщательно проработана и – в рамках федоровской философии – непротиворечива и целесообразна. Музей трактуется философом как социальный институт, находящийся в развитии, в самом начале своего социального пути и осуществляющий духовное и нравственное приобщение к прошлому посредством материальных предметов (памятников), обретая новые формы своего существования. Самих форм можно выделить пять:

1. Важнейшая форма выражается в предельном расширении образовательной и воспитательной функции музея, способного активно вовлекать людей в образовательную и воспитательную деятельность, не являясь при этом проводником популярного образования, а предлагая постижение истории через исследование прошлого, формируя «историческое существо».

2. Институциональные изменения музея должны найти отражение в расширении музейного пространства, в результате чего музей должен стать учреждением, осуществляющим свою деятельность «повсеместно».

3. Развитие междисциплинарности в сфере музейной деятельности органически связано

с его институциональными изменениями, поскольку исследование прошлого потребует участия, становится «общим делом», потребуются знания самых разных специалистов, ранее в музейной деятельности участия не принимавших.

4. Логика институциональных трансформаций музея требует межмузейной интеграции. Музеи в концепции Федорова должны осознать себя как нечто целое, действующее на основании новой идеологии. В результате будет стираться грань между отдельными музейными учреждениями.

5. Музей должен превратиться в учреждение, стремящееся к наибольшему охвату всей совокупности материальных предметов прошлого и настоящего.

Единство этих форм и составляет, согласно учению Федорова, модель идеального музея. Рассматривая данную модель в контексте философского наследия ученого, мы можем утверждать, что его концепция содержит новый взгляд на музей, вводит новое его понимание, новую идею музея; по сути она содержит обоснование не только принципиально иного социального института, но и новой общественной структуры, которую следует создать для достижения целей, предлагаемых Н. Ф. Федоровым человечеству.

Примечания

¹ Семенова С. Г. Н. Ф. Федоров. Творчество жизни. М., 1990. С. 7.

² Семенова С. Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994. С. 14.

³ Бердяев Н. А. Религия воскресения: философия общего дела Н. Федорова // Русская мысль. М.; Пг., 1915. Кн. 7. С. 75–120.

⁴ Аксеничев О. А. Философия музея Н. Ф. Федорова // Музейное дело: музей–культура–общество: сб. науч. тр. М., 1992. Вып. 21. С. 28.

⁵ Гинкен А. А. Идеальный библиотекарь – Н. Ф. // Библиотекарь. 1911. Вып. 1. С. 1.

⁶ Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Собр. соч.: в 4 т. / сост. А. Г. Гачева, С. Г. Семенова. М., 1995. Т. 2. С. 370–422.

⁷ Здесь и далее цитируется по указанному выше сочинению.

⁸ Федоров Н. Ф. Поучительный памятник (музей) // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 123.

⁹ Здесь и далее цитируется по указанному выше сочинению.

¹⁰ Кожевников В. А. Н. Ф. Федоров: опыт изложения его учения по изд. произведениям, переписке и лич. беседам. М., 1908. Ч. 1. С. 4.